

мократических лидеров, стоявших «за перенесение празднования Первого мая на... воскресенье» (стр. 47). Такие вопросы решаются не революционными фразами, а трезвым анализом исторических условий с учетом всех конкретных обстоятельств. Достаточно сказать, что Энгельс в этом вопросе целиком поддерживал А. Бебеля, В. Либкнехта и решение Берлинского съезда СДПГ (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 38, письма № 243, 244, 246, 249, 250 и др.).

То, что в книге Н. Павловой отдельные вопросы представляются недостаточно полно разработанными и некоторые ее положения располагают к спору, несколько не удивительно. Удивительно другое: как на таком маленьком плацдарме автор сумел поставить многие важнейшие проблемы немецкой поэзии XX века и сумел их успешно и глубоко разрешить. Первое научное исследование творчества Эриха Мюзама можно считать удавшимся.

И. ФРАДКИН

КОРОТКО О КНИГАХ

«И ПЕСНЯ, И СТИХ—ЭТО БОМБА И ЗНАМЯ...» *

Книге своих критических выступлений Алексей Сурков предположил подзаголовок: «Заметки на полях истории литературы». Но написана она не историком литературы — литератором. В многоголосье времени А. Сурков слышал и записал прежде всего голоса друзей, соратников, товарищей по оружию — Маяковского и Багрицкого, Демьяна Бедного и Лебедева-Кумача, М. Бажана и В. Гусева.

Личный опыт и личные пристрастия определили не только круг его литературных друзей, но и круг литературных интересов, в центре которых — песенная лирика и стихи, написанные на войне и о войне: участник нескольких войн, А. Сурков раскрывает на военном опыте советской поэзии ее жизнеутверждающую, гуманистическую природу.

Конечно, содержание книги этим

не исчерпывается. Здесь и полемика с зарубежными недоброжелателями (один из разделов книги так и называется — «Полемика на запад»), и статьи о творчестве классиков — Пушкине, Некрасове, Бернсе, Шекспире, и заметки о современных зарубежных поэтах — Фаизе и Хикмете, Квазимодо и Альберти...

И все-таки сердцевина книги, ее ядро — доклады и выступления военных лет и работы, посвященные массовой песне. Тут Сурков — исследователь, тут все — из первых рук.

Вспоминая, как «сложилась песня», А. Сурков вспоминает и о том, что война поставила перед поэтами совершенно новые задачи, оставив поэзию с глазу на глаз с ее непосредственным потребителем — «воюющим соотечественником». «Уже с первых дней войны,— пишет А. Сурков,— нам, тесно соприкасающимся с воюющими соотечественниками, было заметно, что солдатское сердце ищет не только лозунга и призыва,

* А. Сурков, Голоса времени, «Советский писатель», М. 1965, 494 стр.

но и ласкового, тихого слова, чтобы разрядиться от перегрузки всем тем страшным, что на него обрушила эта жестокая война. Уже с первых дней войны стало слышно, что рядом с коваными строками «Идет война народная, священная война» в солдатском сердце теплятся тихие лирические слова в общем-то не очень сильной песенки «Синий платочек»...

Статья эта написана в 1964 году. Но и в 1942 А. Сурков не только думал так, но и говорил об этом. Вот его выступление на открытом партсобрании московских писателей летом 1942 года:

«...Эта война нам подсказала: «Не ори, говори тише!» Это одна из истин, забвение которой должно привести на войне или к срыву голоса, или к потере лица. На войне кричать не надо. Чем ближе стоит человек к смерти, тем больше раздражает его громогласная болтовня. На войне все на солдата кричат — и пушки, и пулеметы, и бомбы, и командиры. И все имеют на это право. Но нигде в уставе не записано, что поэт тоже имеет право кричать на солдата лозунговым пустозвонством. Воюющий человек любит прямое слово... прямо соответствующее его существованию на войне».

В последнее время и в критике, и в публицистике, и в художественной литературе много пишут о том, как часто в предвоенные годы наше искусство, стремясь сохранить хорошее настроение во что бы то ни стало, «дезориентировало читателя в его представлениях о подлинном характере будущих испытаний».

Но начало этому разговору положило выступление А. Суркова, о котором уже речь шла выше. Он впервые во всеуслышание сказал о том, что многие советские писатели «облегченно изображали войну». «Война в нашей поэзии,— говорил А. Сурков,— выглядела, как парад на Красной площади. По чисто подметенной брусчатке рубит шаг пехота, идут танки и артиллерия всех калибров. Идут люди веселые, сытые. Звучит непрекращающееся «ура»... До войны мы читателю подавали будущую войну в пестрой конфетной обертке... Воюющему соотечественнику пришлось справляться не только с танками, которые на него лезли, с самолетами, которые валили на его голову тысячи тонн рваного железа, но и вытравлять из души конфетную «идеологию», которой мы его обкормили».

Выступление А. Суркова летом 1942 года свидетельствует: поворот от «конфетной идеологии» принес обильный поэтический урожай. В 1942 году это казалось неожиданным. Тогда думали, что «война должна была отшвырнуть поэзию», что «в огромном и зловещем грохоте, который поднялся утром 22 июня 1941 года, должен потонуть слабый, немощный человеческий голос поэта».

Но поэзия опровергла эти прогнозы. Война «наполнила поэзию новыми мотивами, новым содержанием и сделала нашу поэзию, как никогда в предыдущие годы, поэзией народного сердца, прямо адресованной душе народа».

А. МАРЧЕНКО